

Время закончить войну

Путин использует Вторую мировую как источник политической легитимности. О милитаристском культе и о здоровой памяти как двух разных подходах к прошлому — историк Константин Пахалюк

Российские военнослужащие на генеральной репетиции парада в честь Дня Победы на Красной площади в Москве, 5 мая 2024 года. Фото: Юрий Кочетков / ЕРА-EFE

10:28, 9 мая 2024,

Константин Пахалюк

историк, кандидат политических наук, специально для «Новой газеты Европа»

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

На протяжении последнего десятилетия российское государство усиленно эксплуатирует память о Второй мировой войне. Культ Победы превратили в настоящую гражданскую религию, не только запретив неудобные вопросы о прошлом, но и используя героические образы для современных политических нужд, в том числе для оправдания агрессии против Украины.

Но вся эта инструментализация Великой Отечественной войны не может перечеркнуть усилий множества людей, независимых организаций и волонтеров, которые всё равно пытаются сохранять живую и здоровую память о трагедии народа.

Миф и рента

На протяжении 2010-х годов государство последовательно превращало память о Великой Отечественной в главный российский миф. Эта война есть в опыте практически каждой российской семьи, и было бы странным для государства упустить такую возможность. Вопрос в целях.

В 1990-е Борис Ельцин призывал сформулировать «национальную идею», но содержательных предложений не поступило. А чем авторитарнее становилось государство, тем меньше оно нуждалось в серьезном разговоре о ценностях. На протяжении 2000-х демократия и права человека были окончательно превращены в абстракции, которые, увы, не отзывались в сердцах многих людей. А вот обращения к прошлому, особенно ко Второй мировой — да, они брали за живое.

История оказалась тем самым публичным языком, с помощью которого можно, не обременяя себя обязательствами, привнести нечто идеальное, возвышенное в довольно циничную политическую жизнь. И даже ответить на сакраментальный

вопрос: что же связывает нас всех, таких многочисленных и разнообразных, на одной шестой части суши. Первые «**войны памяти**» середины 2000-х — с Грузией, государствами Балтии и Украиной — выявили потенциал риторики «защиты памяти». Да и внутри России хватало, мягко говоря, экстравагантных теорий, и даже либеральные СМИ охотно публиковали отвергнутых мировой академической наукой резунистов (авторов, которые вслед за Виктором Суворовым-Резуном считали, что нападение нацистской Германии на СССР было превентивным ударом). Некоторые ныне известные провластные историки как раз и **сделали** в 2000-е годы себе имя на разоблачении второсортных публицистов.

Система политики памяти, а с ней и культ Великой Отечественной выстраивались постепенно. В основе лежал простой конструкт: «Мы — это те, чьи предки победили нацизм».

Он же стал источником символической ренты для правящего класса: открыл памятник, музей, поговорил о победе, встретился с ветеранами — и вот уже чувствуешь себя не временщиком, а большим государственным деятелем.

Важнейшим элементом этой системы стал образ современного врага, внешнего или внутреннего, покушающегося «на наших предков». Часто фигурировала и «непонятливая молодежь», которой «надо прививать» патриотизм.

Владимир Путин и участники акции «Бессмертный полк» несут портреты своих родственников, участников Великой Отечественной войны, Москва, 9 мая 2022 года. Фото: Юрий Кочетков / EPA-EFE

Количество участников игры росло: для регионов память о войне — возможность дополнительного федерального финансирования, для «правильной» общественности и деятелей культуры — источник грантов и субсидий. Да и РВИО **создавалось** в 2012 году с той же целью: если кому-то из олигархов, например, Виктору Вексельбергу или Андрею Козицыну, захочется показать себя патриотом — вот организация, через которую можно засвидетельствовать верноподданические чувства.

Гражданский культ

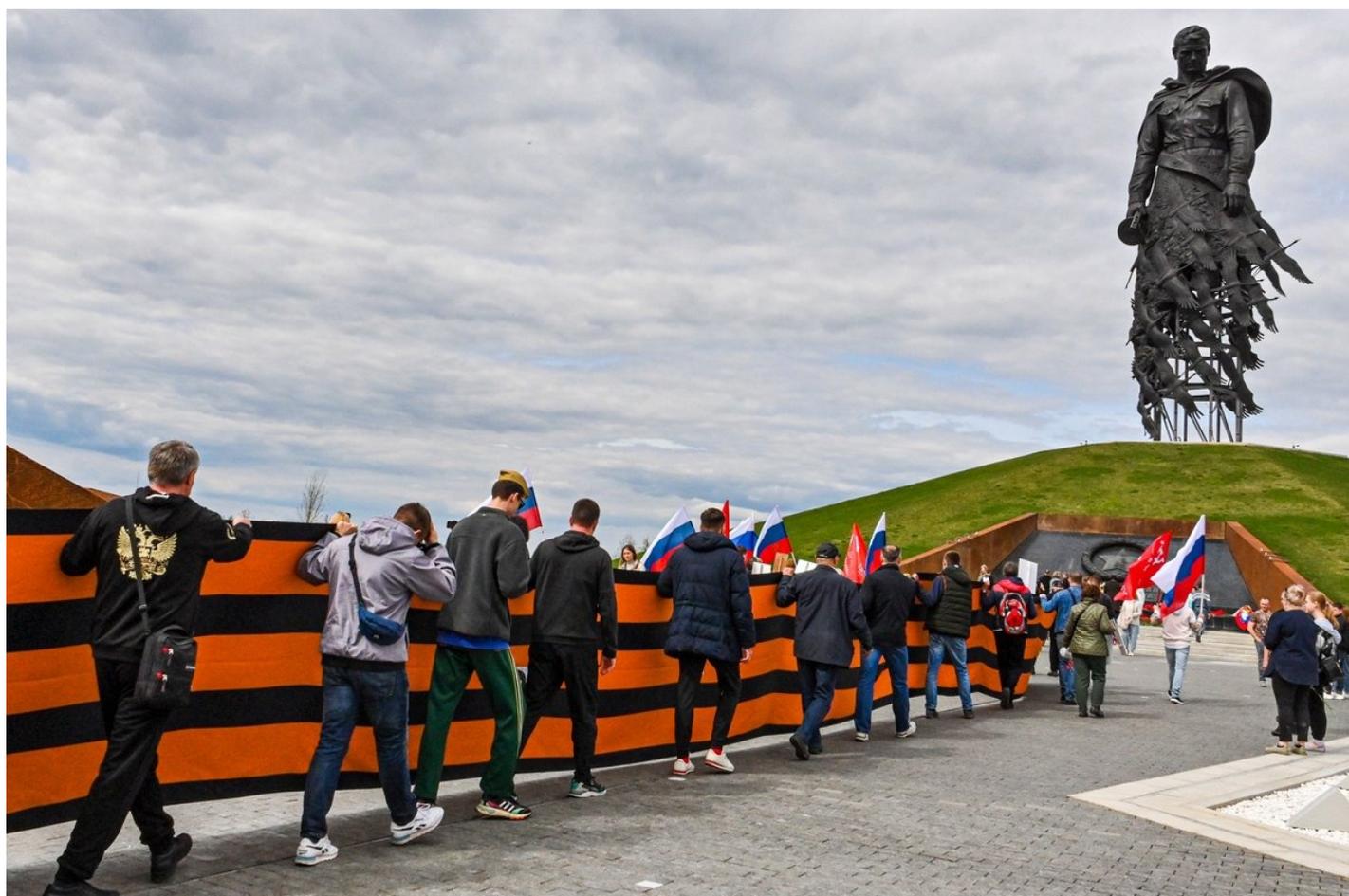
Улицы городов обрастали всё новыми памятниками и мемориальными досками (только на фасадах школ их **установили** 3750!), открывались и музеи, рисовались граффити, по уличным экранам крутились ролики, в московском метро ездили тематические поезда. Но содержательные вопросы

власть не интересовали, а потому вся эта бурная деятельность во многом оказалась бесплодной.

Сколько раз с 2010 года чиновники заявляли, что наконец-то профинансировали «новый фильм», который заткнет за пояс «Список Шиндлера» и «Спасти рядового Райна». Дальше с помпой на экраны выходили «Утомленные солнцем 2», «Сталинград», «Панфиловцы» или «Зоя». Кто сегодня пересматривает эти фильмы? Да, были финансово успешные проекты, например, «Т-34», снятый **в большей степени** на частные деньги. Были и просто достойные фильмы: на мой вкус, например, «Рай» Андрея Кончаловского, «Война Анны» Алексея **Федорченко**. У вас, читатель, наверное, тоже есть свой перечень, но что из него стало общей новой классикой для большинства россиян?

Новых героев тоже не появилось. Да, ввиду хороших отношений с Израилем вспомнили про Холокост и Александра Печерского, лидера восстания в лагере смерти Собибор. Сняли одноименный фильм, включили в учебники, поставили бюсты. Да, важная тема для российских евреев, помнящих, как на протяжении десятилетий советская власть стремилась не выделять ни их страдания, ни подвиги. Однако стал ли Печерский общероссийским героем? Едва ли. С большой помпой в 2020 году открыли Ржевский мемориал.

Да, благодаря рекламе он стал узнаваемым памятником, но не новым символом: никто из инициаторов установки даже не задумывался о том, какую свою идею он должен нести.

Патриотическая акция в честь Дня Победы у Ржевского мемориала в Тверской области, 28 апреля 2024 года. Фото: Мария Потокина / ЕРА-ЕФЕ

А КАКУЮ ИДЕЮ МОГ БЫ НЕСТИ ЭТОТ ПАМЯТНИК?

На протяжении десятилетий у боев возле Ржева существовал довольно аморфный образ тяжелых, неудачных и кровавых событий, намеренно забытых советским государством. Памятник вроде как призван восстановить справедливость. И лирический образ склонившего голову солдата потенциально мог стать отправной точкой для осмысления. Но его-то и не было! Ржев — это совокупность боев или всё же одна битва? Историки склоняются к первому. Битва под Москвой, Сталинградом или за Берлин — здесь всё понятно: «отстояли столицу», «переломили хребет вермахту», «окончательно разгромили нацизм». На слуху

военачальники, примеры героев. А Ржев? Какие истории — большие или маленькие — кроются за ним? Увы, властям был нужен памятник, а не содержательный рассказ о самом событии.

Без противоречий и коммунизма, но с мультимедиа

Оглядываясь назад, мы можем выделить три ключевые тенденции в работе государства с памятью о Второй мировой, по советским лекалам сведенной к Великой Отечественной.

Первое — избегание любых противоречий, серьезного разговора о существенном, будь это тоталитаризм, травма войны, моральный выбор, человек и система. Типичный ответ власти: «Всё было, мы ничего не отрицаем», но под этим неотрицанием одновременно подразумевалось и молчание.

«Красные линии» очерчивались постепенно. Оправдание нацизма, отождествление сталинизма и гитлеризма — законодательно. Разговор о цене победы и ответственности государства за потери — медийно. Вспомним кампанию против «Дождя» в начале 2014 года в ответ на заданный в эфире вопрос, можно ли было спасти жителей Ленинграда, сдав его. Да, формулировка неудачна, однако проблема глубокая: сделало ли партийное руководство всё, чтобы избежать массового голода? В 2016 году не дали защитить докторскую диссертацию Кириллу Александрову, который посмел **утверждать**, что массовый коллаборационизм был формой социального протеста против Сталина и его репрессий.

Второе — последовательное очищение памяти о войне от идеологии коммунизма. Государство и героический народ —

оставить, Сталина — тоже, коммунизм и тем более интернационализм — убрать или свести к лозунгам. Нашумевшие фильмы «Зоя» и «Панфиловцы» — лучшие тому примеры.

Третье и самое главное — всё больше стимулировать коллективные эмоции, стирая грань между прошлым и настоящим. Сергей Ушакин удачно **назвал** это «аффективным менеджментом истории». Чем меньше ветеранов — тем больше реконструкторов на публичных мероприятиях. 9 мая дополнились шествиями «Бессмертного полка».

Мультимедийные выставки-блокбастеры от РВИО, передвигающиеся по России. В 2020 году Музей Великой Отечественной войны, ребрендингованный как Музей Победы, открыл новую популярную выставку «Дороги Победы», сплошь состоящую из залов-декораций. Посетитель перемещается от первого дня войны — по всем битвам, партизанским полянам, блокаднему Ленинграду — к покоренному Берлину. А тема нацистских преступлений была нужна государству только из-за эмоционально сильных образов. Изобретение геноцида советского народа в начале 2020-х годов стало лишь логическим продолжением этой линии.

Оправдание авторитаризма

То, каким образом государство и интеллектуалы-консерваторы работали с памятью о Второй мировой, вело и к оправданию авторитаризма, и к желанию пересмотреть постсоветский порядок военным путем.

Во-первых, всё нарастающее внимание к событиям прошлого порождало имперскую ностальгию. Не нужно слез об «утраченных землях» — достаточно ежечасно напоминать о том, как «мы освободили от нацистов наш Киев / Минск / Вильнюс», не объясняя, почему позже эти города превратились в столицы суверенных государств.

Во-вторых, хотя Вторая мировая война — это исключительная, радикальная эпоха, из нее заимствовались примеры для буквального подражания. Власти всегда говорили: «Нам нужны образцы для воспитания нового поколения»: коллективный героизм, труд в тылу на износ, самопожертвование Космодемьянской или Карбышева. Но какое это имеет отношение к жизни в XXI веке? Никакого. Вглядываться в историю Великой Отечественной войны в поисках нормативных образцов — идея не просто сомнительная, как с иными эпохами, но и опасная.

Если воспринимать столь уникальную эпоху без должной дистанции, то желаемый исторический опыт превращается в сломанный компас.

Когда вы противостоите такому безусловному злу, как нацизм, который запустил машину Холокоста, собирался уничтожить СССР и как минимум 30 млн его жителей, — тут не до сантиментов. Но прояснение логики принимаемых тогда решений, будь то подписание пакта Молотова — Риббентропа или введение заградотрядов, вело постепенно к ее принятию как должной. И к мысли, что так якобы правильно действовать в любой ситуации. Субъективный мир лиц, принимающих решения, и понимание исторических процессов — разные вещи.

«Время было тяжелое» незаметно превращалось в «война всё спишет» и «лес рубят — щепки летят». И дальше — постоянное выискивание параллелей между днем сегодняшним и позавчерашним, уравнивание Гитлера с коллективным Западом, Украины и «бандеровцев», называние предателями всех несогласных с политикой государства. Эта риторика,

придающая настоящему ложное чувство чрезвычайности, появилась отнюдь не в 2022 году.

Артисты в военной форме поют перед памятником маршалу Советской Красной Армии Георгию Жукову на Красной площади, Москва, 5 мая 2022 года. Фото: Юрий Кочетков / EPA-EFE

В-третьих, власти устроили гражданам эмоциональные качели, «объединяя» то вокруг парадов и «бессмертных полков», то вокруг назначенных врагов, как-то не так говорящих об истории. Эмоциональная перегруженность делала невозможным спокойный разговор, порождала раздражение по поводу «не тех высказываний», «не тех мемориалов». Одной рукой государство повышало градус нетерпимости, воспитывая привычку докапываться до тех, кто говорит «что-то не то», с другой — объявляло россиян «наследниками победы», играя на самодовольстве сторонников. А с третьей — чиновникам самим **прилетало** в ответ за немецкое оружие на памятниках или мемориальную доску Маннергейма, всякий раз с ехидной улыбкой: раз уж назвались защитниками истории — извольте соответствовать! Но так ли важны неумные слова зарубежных

политиков? Так ли значимы ошибки на памятниках, которые легко исправить?

А смесь радикализма с пассивностью после 24 февраля дала свои плоды: большинство россиян условно согласились с началом полномасштабной войны против Украины, но не поспешили «исполнить свой долг».

Память нормального человека

Однако поставить на этом точку было бы неправильно. Описанное выше имеет отношение к политике памяти, к публичным скандалам вокруг истории. Но за публичным словоблудием часто терялось то важное и значимое, что делалось историками и энтузиастами как независимо, так и при участии государства.

«Бессмертный полк» был успешен как раз по той причине, что многие участники видели в нем свой личный способ отдать дань памяти предкам.

С конца 2000-х годов Минобороны выделило средства на создание крупнейших баз данных «Подвиг народа» и «Память народа», благодаря которым сотни тысяч, если не миллионы россиян углубили семейную память через обращение к персональным документам воевавших родственников. Мы как-то забыли сегодня, что многие фронтовики не особо рассказывали о военном времени, а детям и внукам доставались в наследство краткие рассказы да письма-треугольники.

Постепенно развивалась историография, сделав за 2010-е годы

качественный скачок. Одни бросились в архивы, стремясь пересмотреть историю боевых действий на Восточном фронте, выйдя за пределы дискуссий 90-х, колебавшихся между «всегда победоносная Красная армия» и «завалили трупами». Так **появился** феномен общественно-научной историографии, внимательной к фронтовым деталям, но — увы! — по большей части глухой к социально-политическому анализу. Уже академические исследователи, преимущественно связанные с ВШЭ или Европейским университетом в Санкт-Петербурге, находились в глубоком диалоге с зарубежной историографией, развивая социальный подход к изучению войны.

В целом государство стимулировало интерес к истории Второй мировой, а это привело к тому, что примерно десяток центральных издательств наладили перевод и публикацию работ зарубежных авторов, способствуя проникновению новых подходов к теме. Даже текущие дискуссии о вине и ответственности берут начало как минимум с обсуждения переводов Ханны Арендт, где одной из площадок **выступал** журнал «Гэфтер». Сакраментальное от Мединского «мрази конченые», **обращенное** к отрицателям советской легенды о панфиловцах, одинаково на свой счет приняли все участники дискуссий, в том числе и консерваторы.

Да, государство злоупотребляло установкой однообразных памятников. Однако даже если взять РВИО, то из примерно трехсот памятников, созданных в 2013–2021 годы, большая часть — довольно скромные обелиски в городах и даже селах, связанные с локальными событиями.

Рабочие устанавливают орден Победы для предстоящего празднования Дня Победы, Москва, 5 мая 2022 года. Фото: Юрий Кочетков / EPA-EFE

Еще одно выпадающее звено — поисковое движение, которое в 2010-е годы стало всё больше поддерживаться государством. Сотни тысяч солдат так и оставались непогребенными в течение десятилетий после окончания войны. Порою можно было и не копать, чтобы на местах боев найти чьи-нибудь останки. Ржевские старожилы рассказывали мне историю о том, как мальчишками играли в футбол черепами солдат. Согласно официальным данным, только в 2012–2021 годы поисковики подняли более 218 тысяч солдат, **установив** по архивным данным имена 12,5 тысяч человек.

Несомненно, трагическая сторона войны постепенно заменялась героическим мифом. Однако в 2010-е годы Российский еврейский конгресс совместно с Центром «Холокост» установили более 90 памятников на местах расстрелянных евреев, стали проводиться ежегодные памятные мероприятия 27 января (Международный день памяти жертв

Холокоста). В Калининградской области уже давно регулярно проводятся марши памяти жертв расстрелов в [Пальмникене](#), в Ростове-на-Дону сложилась традиция коммеморации убитых в [Змиевской балке](#).

В начале 2020-х годов начали вспоминать и о другой забытой категории жертв — о лицах с инвалидностью, которых уничтожали с не меньшей последовательностью, нежели евреев. И всё благодаря проекту немецкого историка Ирины Ребровой, которая не только собрала вокруг себя сеть заинтересованных исследователей, но и [подтолкнула](#) их к проведению памятных мероприятий на забытых местах расстрелов.

Если вы зайдете на экспозицию в музее «Смоленщина в годы Великой Отечественной войны», то увидите целый зал, посвященный оккупации, а там — и убийства евреев, и расстрелы цыган, и сопротивление, и история одного из праведников народов мира. Южнее, уже под Брянском, сходите в Мемориальный комплекс «Хацунь», создававшийся в 2000–2010-е годы. Это деревня, которая была уничтожена нацистами в октябре 1941 года. Да, мемориальное пространство там перенасыщено не относящейся к событию православной символикой, однако обратите внимание на основную экспозицию, где в центре внимания не ужасы оккупации, а жизнь простой русской деревни, об уничтожении которой напоминает пулеметная лента, найденная при раскопке братской могилы. Перед нами именно музей памяти, работающий с темой скорби и утраты, наследуя мировой традиции подобных учреждений.

Даже в популярном у туристов Суздале вы [обнаружите](#) в Спасо-Евфимиевом монастыре экспозиции о содержавшихся здесь немецких и итальянских военнопленных, их страданиях и переживаниях. Перед посетителем открывается целая палитра образов и человеческих связей, и это, заметьте, в музее

федерального подчинения.

Владимир Мединский на открытии первой смены военно-патриотического лагеря РВМО в Бородино Московской области, 2015 год. Фото: Leonrid / Wikimedia (CC BY-SA 3.0)

Старая и новая война

После 24 февраля многое изменилось. Третий год российское государство оправдывает агрессию через образы войны, которая после 22 июня 1941 года стала оборонительной. Если раньше по фасадам школ развешивали доски Героям Советского Союза, то сегодня — несостоявшимся завоевателям. Традиционный парад победы теперь сопровождается выставкой трофеев, а не «бессмертным полком». Многие из тех, кто в 2010-е годы пытались выработать взвешенный взгляд на боевую историю Второй мировой, оказались в Z-повестке: востребована их привычка объяснять логику правителей и ход боевых действий, а не думать о происходящем в целом. Но нет оснований

считать, что эта идеологическая конструкция была бы устойчивой без военной цензуры.

Тематика вины и ответственности оказалась в центре антивоенных дискуссий, а россияне **продолжают** проявлять повышенный интерес к литературе о нацистской Германии. Очевидно, история по-прежнему играет слишком большую роль в публичных выступлениях россиян, вне зависимости от их отношения к текущей войне.

Современная Россия образовалась в 1991–1993 годах, однако путинское государство убедило большинство, что «мифом основания» является Вторая мировая.

Первые бомбы, упавшие в феврале 2024-го на Киев и Харьков, всё это обнулили. И 1990-е, и 1940-е — это уже история, в то время как в горниле текущей войны рождается новая Россия.

Если путинский режим устоит, то миф о Великой Отечественной будет жить вместе с ним на уровне формы, поскольку смысловое ядро сместится к настоящему. Если же оправдаются чаяния антивоенных россиян, то историческая риторика, ассоциирующаяся с Путиным, значительно подешевеет.

На фоне текущих событий Вторая мировая, конечно, теряет значимость. Зато разговор о ее значении — например, для развития России — сможет идти более спокойно. Серьезная же дискуссия о памяти сегодня требует ответа на главный вопрос: почему «наследники Победы» оказались идейно ближе к гитлеровцам?

А положить цветы на могилы солдат 1941–1945 годов вряд ли когда-нибудь станет зазорным. Для того чтобы почтить память предков, нам не нужны ни мифы, ни путинское государство.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[Геноцид, которого не было](#)

Зачем российская власть изобрела понятие «геноцида советского народа», и почему это — новое оружие исторической пропаганды

13:21, 1 февраля 2024, Константин